CADD Central Asia Due Diligence
Political risks analysis of governance-related developments in post-Soviet Central Asia

Социально-экономическая история Узбекистана: взгляд социолога

Алишер Ильхамов

31 января 2024 г.

Содержание:

ВВЕДЕНИЕ **2**

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. КОГДА СССР ЕЩЕ БЫЛ ЖИВ **2**

Мечта стать художником. Первое столкновение с принудительным трудом 2
Служба в армии 4
Учеба в университете 5
Второе столкновение с принудительным трудом 6

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ОПЫТ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ. **7**

Руководство исследовательским центром «Эксперт» 7
“Новые бедные” 10
Стратегии выживания 12
Ритуальная экономика 13
Бюджеты узбекских семей 14
Аграрный сектор как объект исследования 15

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ ИССЛЕДОВАНИЙ И ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ **16**

Кампания за ликвидацию системы принудительного труда 16
Отставание с реформами 18
Судьба украденных активов 19
Борьба с коррупцией как фактор привлечения иностранных инвестиций 23
Вредит ли ценностная ориентация объективности социального исследования? 28

ЗАКЛЮЧЕНИЕ **30**

Введение

Данное эссе является по своему жанру экспериментальным. Оно представляет собой попытку изложить взгляд автора на ряд проблем социально-экономического развития Узбекистана, но сделать это путем восстановления ключевых этапов эволюции представлений самого автора о мире и этих проблемах. В этом смысле эта статья сочетает в себе жанры автобиографического очерка с изложением ключевых этапов социально-экономической истории страны. Автор здесь приводит материалы из его некоторых прошлых публикаций (далеко не всех), но также предлагает дополнительный анализ отобранных им тем.

В своих воспоминаниях автор охватывает период протяженностью примерно в полстолетия, начиная с его первого студенческого опыта, когда до развала Советского Союза было еще далеко, а эпоха Перестройки еще не наступила. Далее внимание переключается на пост-советский период. С точки зрения охвата тем, оригинальной тут является попытка дать их некую панораму. Обзор тем включает в себя следующее:

- усиление социальной стратификации в постсоветский период;
- появление категории «новых бедных»;
- сложность изучения бюджетов семей в условиях Узбекистана;
- анализ структурных изменений в аграрном секторе;
- система принудительного труда в хлопковом секторе страны;
- проблемы коррупции и возвращения украденных активов в страну;
- и наконец, остающиеся институциональные преграды для экономического роста страны и привлечения иностранных инвестиций.

Ко изучению всех этих проблем автор приступал поэтапно. Менялась страна, менялся и сам он под влиянием динамики общественного контекста и его личных обстоятельств. Материал разделен тут на три части. Первая часть является в основном автобиографической, охватывая гражданское и профессиональное становление автора еще условиях позднего советского периода. Вторая сосредотачивается на его деятельности в качестве руководителя частного исследовательского центра «Эксперт», предлагая обзор некоторых тем, которые исследовал центр. Третья часть охватывает в основном тот период профессиональной эволюции автора, когда он стал пытаться применять свои знания и исследовательский опыт к практически значимой деятельности посредством инициации кампаний, нацеленных на решение конкретных проблем развития страны, таких как принудительный труд, коррупция и возвращение украденных активов.

Часть первая. Когда СССР еще был жив

Мечта стать художником. Первое столкновение с принудительным трудом

Еще со школьной скамьи я мечтал стать художником. Где-то с 8-го класса стал регулярно посещать изостудию клуба «Восток», который располагался по улице Навои города Ташкента, напротив Дворца искусств. Нашим наставником там первоначально был художник Юрий Стрельников, в котором мне очень импонировала его интеллигентность, доброта и деликатность в обращении с нами, учениками. После того, как через год-полтора Стрельников покинул изостудию, чтобы сосредоточиться на своей творческой

деятельности, его сменил Шамиль Рахимов, который сам еще учился, готовясь стать профессиональным художником. Я сблизился с Шамилем, часто проводя с ним время за беседами на темы искусства, но не только. Нас интересовало также и то, что происходило в стране.

Шамиль был критически настроен о тогдашних реалиях, и у него были личные основания для этого. Как-то он, стоя в очереди в магазине, возмутился тем, что один милиционер лезет без очереди. Тот вызвал наряд милиции, и Шамиля забрали в отделение, где он был жестоко избит. Потом я узнал, что это была довольно рутинная практика, к которой еще в советское время прибегали «менты», по крайней мере в Узбекистане.

Во многом под влиянием Шамиля я тогда раз и навсегда заразился этими критическими настроениями. Позже, уже после поступления в Театрально-художественный институт (ТТХИ) имени Островского эти настроения у меня только усилились. Особенно критически я воспринимал тот застой, который царил как в институте, так и в сфере изобразительного искусства по всей стране в целом. Еще со школьной скамьи я стал почитателем импрессионизма и пост-импрессионизма, во многом благодаря тому, что удалось посетить музей Пушкина в Москве и Эрмитаж в Ленинграде, где собрана очень богатая коллекция работ этих двух направлений.

Особенно негативно мы с Шамилем стали воспринимать практику принудительной мобилизации на сбор хлопка, в которой я, уже в качестве студента ТТХИ, принял участие дважды, в 1972 и 1973 годах. Это еще были годы, когда страной правил Политбюро ЦК КПСС во главе Генерального секретаря Леонида Брежнева. В Узбекистане главным тогда был Первый секретарь ЦК Компартии республики Шараф Рашидов.

Точнее сказать, отношение к практике принудительной отправки на сбор хлопка у меня, как наверное, у многих других студентов, было двоякое. С одной стороны, мало кому нравилось собирать по принуждению хлопок, а также жить более месяца в крайне некомфортабельных условиях барака, забитого двухярусными кроватями или нарами, почти как в тюремной зоне. С другой стороны, были и прелести совместной студенческой жизни, знакомства с девушками, переходящие в быстротечные любовные романы, танцы до упада каждый вечер, выпивки, просто общение со сверстниками, своего рода молодежный туристический лагерь.

Из-за своих протестных настроений в первый наш с Шамилем сезон сбора урожая мы оба сбежали с хлопка. Он в результате бросил учебу в институте. Меня же мой отец вернул меня обратно. Курьезным образом начальство нашего барака из числа преподавателей, беспробудно пьянствующее, о моем бегстве и не подозревало, думая, что я просто переместился в другой барак.

В течение второго года обучения я стал больше уделять чтению литературы на социальные темы, узнал о писателях диссидентах, в частности об Александре Солженицыне, но достать его произведения для чтения мне тогда не удавалось. Во второй мой хлопковый сезон я как-то набрел посреди соседнего поля на забытый колхозным бригадиром хирман (то есть, сваленную кучу хлопка). Раскидав его верхушку, чтобы со стороны этот хирман было не видать, я стал приходить туда каждое утро с томиком Александра Герцена «Былое и думы» и погружаться в чтение, комфортно устроившись на хлопковых «перинах». Ближе к обеду набивал свой фартук хлопком с хирмана и шел сдавать его. Так я провел почти весь сезон сбора урожая.

Тогда же я познакомился со студентом подготовительного курса Баятом Мухтаровым, в последующем известным в республике скульптором. Баят имел к тому времени богатый жизненный опыт и был очень начитан. Он тоже, как и Шамиль, критически относился к

текущим социальным реалиям, читал диссидентскую литературу, но в отличие от Шамиля, не был бунтарем. Баят мне поведал, что одним из толчков к событиям Пражской весны 1968 года, когда попытку чехословацкого руководства реформировать социализм, сделав его более открытым и свободным, стал фильм «Старики на уборке хмеля» (“Starci Na Chmelu”, в оригинале), снятого в Чехословакии режиссером Ладиславом Рихманом в 1964 году и показанного в СССР в 1965-м. Фильм был снят в жанре мюзикла, в котором периодически появлялись три гитариста и напевали один и тот же куплет.

«Старики на уборке хмеля» был фильмом новаторским для страны социализма. Его выход стал возможным благодаря идеологическим и цензурным послаблениям начала 60-х почти во всех странах соцлагеря, включая СССР. Совершенно очевидно также, что авторы фильма были под влиянием появления в тех же 60-х молодежных субкультур в странах Запада. Наиболее всего эти процессы раскрепощения массового сознания видимо наблюдались в Чехословакии. Там возникло целое направление в кинематографе, получившее название Чешской новой волны. Одним из ее представителей был, кстати, Милош Форман, ставший впоследствии, после эмиграции в США, кинорежиссёром мировой величины, во многом благодаря его фильму «Кто-то пролетел над гнездом кукушки». Уже после разгрома Пражской весны все это направление в кинематографе было свернуто, а многие фильмы, снятые его представителями были отправлены на полку. В итоге фильм «Старики на уборке хмеля» стал своеобразным символом этого направления. В фильме рассказывалось о старшеклассниках, которые работали летом в колхозе на уборке хмеля, очевидно не по своей воле. Это был своего рода аналог нашей работы по сбору хлопка. Мысль об этом помогла оценить наши хлопковые реалии в более широком контексте социально-политических проблем и назревающих перемен.

Служба в армии

Под воздействием указанных настроений, проучившись в Театрально-художественном институте два года на отделении станковой живописи, я, как и Шамиль, решил бросить его и податься в армию, чтобы «поближе узнать жизнь». Это я сделал также под влиянием рассказов о странствующих писателях-нонконформистах, которые несли в себе альтернативу советскому официозу. Но попав служить в Ашхабад, я уже через пару месяцев сожалел о своем решении. Пришлось однако адаптироваться к жестким реалиям армейской жизни с ее дедовщиной и скудным, по причине воровства, питанием. Постепенно стал вовлекаться в девиантное поведение, был пойман в самоволке, уличен в выпивках, короче, был на грани участи оказаться в дисбате.

Спасло то, что меня как нежелательный элемент откомандировали в качестве разнорабочего в строительный отряд, набранный прибывшим в наш город полковником Тусюком (не помню его имени и отчества). Он прибыл из Ташкента с миссией от самого главнокомандующего Туркестанского округа воспроизвести и воздвигнуть в разных частях округа копии десятиметрового памятника советскому солдату, который был установлен на самом юге Туркменистана, на вершине сопки около пограничного поселка по имени Кушка (ныне Серхетабад).

Пребывание в этом строительном отряде для меня стало огромным облегчением. Тусюк требовал полной нашей отдачи в рабочие часы, но по вечерам мы были полностью предоставлены самим себе, никаких тебе над тобой старшин и командиров. Отработав некоторое время разнорабочим в этой бригаде, я немного выдвинулся, проявив свои художественные навыки. После того, как мы установили копии памятника в городах Теджене и Ашхабаде, кстати, вызвав протесты местной художественной общественности

– настолько этот монумент смотрелся уродливо в столице республики, - нас отправили обратно в наши части.

Тучи стали снова сгущаться над моей головой. Но вскоре пришел вызов из штаба округа, снова для работы в команде полковника Тусюка, на этот раз по оформлению Музея воинской славы в Ташкенте, который располагался рядом со штабом округа. Ну, это выглядело вообще как путевка на курорт, так как по прибытии на место, я через некоторое время просто стал возвращаться после окончания рабочего дня не в казарму, а к себе домой, к родителям. На работах в музее я оказался в команде ключевой фигурой, размечая на мраморных плитах какие-то тексты или декоративные элементы, в то время как а остальные члены команды выбивали инструментом точками фон, ну почти как резьба при работе над линогравюрой. Так я провел свое время в Ташкенте почти до самого дембеля и вернулся в Ашхабад только для того, чтобы оформить демобилизацию.

Учеба в университете

После возвращения из армии я уже не хотел продолжать учебу в ТТХИ и заниматься живописью. Поначалу меня снова потянуло в странствования. Но в итоге, взял верх мой возрастающий интерес к социальным наукам, особенно к социологии. И только в последний момент перед вступительными экзаменами в вузы, я решил подавать документы на философское отделение Ташкентского государственного университета (ТашГУ), полагая, что это наилучший способ для последующей специализации по социологии, которую тогда вообще не преподавали в республике. В принятии этого решения на меня оказал влияние Владимир Платонов, который читал курс по философии аспирантам республиканской Академии наук. На меня он произвел большое впечатление своей эрудицией и пониманием предмета философии. Это был самородок, сверх-интеллектуал, каких я до тех пор да и в последующем я не встречал. Позже, уже после во время учебы в ТашГУ я приходил послушать его лекции.

Помимо него были еще три лектора в Ташкенте по философским наукам и смежным дисциплинам, которых я бы выделил как незаурядных – это Лев Евсеевич Гарбер, профессор кафедры философии нашего факультета, Михаил Капустин, читавший нам курс по эстетике, а также Василий Никитич Мороз, преподавший логику. Никого из других преподавателей ТашГУ я бы не поставил даже рядом с ними. Лучом в темном царстве также были единичные случаи приглашенных нашим тогдашним деканом Калерией Ивановной Ивановой лекторов из Ленинградского университета – она сама его заканчивала, и у нее там остались хорошие связи.

Философское отделение, куда я поступил в 1976 году, было тогда частью исторического факультета. Весь курс обучения давался мне легко, и меня, сочетавшего отличие в учебе с общественной деятельностью, даже сделали ленинским стипендиатом. В отличие от других студентов, получавших месячную стипендию размером в 40 рублей, мне выдавали аж сто рублей, совсем неплохо по тем временам и ценам. Особо я продвинулся в первые два года качестве командира летнего строительного отряда, после чего Гога Абрарович Хидоятов, наш декан еще во времена истфака, сделал меня комсоргом факультета.

Когда наш факультет разделили, наше отделение оказалось частью философско-экономического факультета. Там я остался в своей роли факультетского комсорга. К концу обучения в ТашГУ меня даже приняли в ряды КПСС, видимо имея на меня виды для дальнейшего продвижения по партийной линии или государственной службе. Ряд комсомольских лидеров университета того периода действительно впоследствии заняли высокие посты в партийно-государственной иерархии, например, Садык Сафаев и Рустам Азимов, чьи имена хорошо известны по всему Узбекистану. Но меня самого такая

перспектива особе не привлекала. Все-таки я хотел заниматься социологией. Но раз мне предложили вступить в партию, я согласился, понимая, что для профессиональной карьеры это могло помочь в тогдашних условиях. Забегая вперед, скажу, что почти под занавес Перестройки, из протеста против путча ГКЧП (Государственный комитет по чрезвычайному положению) я в августе 1990 года сдал свой партийный билет, отказавшись быть далее в рядах партии.

Второе столкновение с принудительным трудом

Во время обучения в ТашГУ мои изначально оппозиционные настроения немного развеялись из-за моей вовлеченности в общественную деятельность. Вновь они оживились во время аспирантуры, в которую я поступил сразу по окончании университета. Ключевую роль в этом процессе сыграл рост моего критического отношения к практике принудительной мобилизации студентов на сбор хлопка каждую осень.

Еще во время моей учебы в университете я каждый год со всеми студентами выезжал на хлопок, однако уже не собирал его сам, будучи одним из комсомольских вожаков университета. В первый год я был назначен командиром одного из отрядов, размещавшихся каждый в отдельном бараке на расстоянии друг от друга примерно в километр. В последующие годы, став комсоргом факультета, я уже был на хлопке членом штаба, который возглавлял заместитель декана. То есть, я оказался на стороне и частью системы по принуждению студентов собирать хлопок.

Признаюсь, мои критические взгляды на эту практику в мои студенческие годы притупились, поскольку я уж слишком вошел в роль одного из функционеров университетского комсомола. Признаюсь также, что в какой-то степени мне эта роль, после моего разгильдяйства в годы армейской службы, даже импонировала и была интересна. В этой роли я лучше познавал систему изнутри. К тому же мне нравилось иметь определенную свободу посещений занятий. Я этой свободой пользовался, чтобы избегать лекций самых посредственных преподавателей.

Но когда в годы аспирантуры я отошел от общественной деятельности и стал больше читать, работая над диссертацией, мною опять стали овладевать критические настроения в отношении к реалиям в стране. Я еще не был тогда по своим убеждениям, как сейчас, сторонником либеральной демократии и все еще находился под влиянием марксизма. Но это был марксизм не ортодоксального свойства, в духе советского официоза. Уже тогда я обратился к «Экономически-философским рукописям 1844 года» Маркса, где он развил теорию отчуждения труда. Я сделал эту теорию основополагающей концепции своей диссертации. Ее предметом была проблема свободного времени, но я не рассматривал это время обязательно как нерабочее. Перспективу я видел в том, что что по мере преодоления отчуждения труда и усиления его творческого характера, человек не бежал бы от него как от чумы, как об этом писал Маркс.

В итоге, анализ явления свободного времени обратил мои взоры на проблему свободы, над которой бились лучшие умы философии на протяжении веков. Видимо такой ракурс в понимания проблемы свободного времени, через призму концепции свободы, стал новым импульсом, побудившим меня в последующем обратиться к проблеме принудительного характера труда в хлопковом секторе Узбекистана. Более того, прочитав «Раковый корпус» Александра Солженицына, я осознал, что этой практике уже много лет. Одна из героинь той повести, медсестра Зоя, училась параллельно со своей работой в Ташкентском мединституте. И вот, по ее словам, их, студентов, отправляли осенью на сбор хлопка.

Уже будучи аспирантом, я продолжал ездить на хлопок вместе со своим факультетом, но уже в качестве члена преподавательского состава, чтобы (опять, в который раз!) приглядывать за студентами. Именно тогда я начал делиться сомнениями относительно этой практики с некоторыми студентами из числа комсомольского актива, но не встретил их понимания.

Часть вторая. Опыт полевых исследований.

Руководство исследовательским центром «Эксперт»

После защиты кандидатской диссертации в 1985 году, меня приняли на работу на мой родной факультет в качестве научного сотрудника только что созданной лаборатории социологии. Это был новая дисциплина для университета, но становящаяся модной по всему Советскому Союзу, и я, будучи уже известен на факультете моим интересом к ней, как раз пришелся тут ко двору. Лабораторию возглавил Александр Николаев, который в то время был проректором университета. Это он выбил у руководства университета штатные единицы для лаборатории, но сам какое-то время еще оставался на своей должности проректора. Для него это был видимо своего рода запасной аэродром на случай лишения своего проректорской должности в то достаточно нестабильное время. Непосредственное же руководство лабораторией было делегировано мне.

Фактически возглавив лабораторию, я сам набирал весь штат - две должности социолога, одна – программиста-статистика, и две - техперсонала. В итоге сформировалась команда, с которой мы стали проводить исследования. Нам были выданы первые советские персональные компьютеры «Минск». Они были весьма допотопными, но это был шаг вперед в условиях нашей деятельности. Через некоторое время я сам привез два более продвинутых импортных компьютера марки IBM и один ксерокс из Москвы, получив грант от Фонда «Культурная инициатива», спонсируемого американским миллиардером-филантропом Джорджем Соросом. Это мне удалось благодаря содействию Вячеслава Игрунова, бывшего советского диссидента и политического заключенного, который во время Перестройки выдвинулся в число лидеров гражданского общества и был избран членом правления указанного Фонда.

Примерно в то же время, в 1990 году, я познакомился с американским социологом Майклом Сваффордом, который получил грант у себя на родине для оказания содействия в развитии советской социологии. Через год при его содействим мы получили первый контракт на проведение социологического исследования по заказу международной организации. Майкл также пригласил в Советский Союз, включая к нам в Узбекистан, Лесли Киша, одного из наиболее продвинутых экспертов по теории и практике статистической методов построения случайной репрезентативной выборки.[1] Это была та сфера, где советская социология сильно отставала от американской. В СССР просто почти не проводились исследования по репрезентативной выборке. И вот Лэсли провел с нами занятие по данной теме, что позволило поднять профессиональный уровень наших исследований и выигрывать тендеры на проведение опросов общественного мнения в нашем регионе. К великому сожалению, сам Майкл через некоторое время заболел раком, долго лечился, сначала успешно, но в итоге скончался в 2001 году. Светлая память…

Начиная с 1990 года, мы стали получать контракты от международных клиентов на проведение исследований по самому широкому кругу тем, от маркетинговых до

[1] Leslie Kish, Survey Sampling. *Willey*, 1995, https://www.wiley.com/en-gb/Survey+Sampling-p-9780471109495

исследований по общественно-политическим проблемам. Мы очень быстро сформировались в команду, работающую автономно и способную себя финансировать. Это не могло не стать одной из причин конфликта с руководством организаций, в штате которых мы числились, но держались особняком.

Когда Николаева уволили с должности проректора университета, он вернулся на факультет, став не только номинально, но фактически руководить лабораторией. Первоначально он мирился с нашим автономным статусом, но однажды у него случился конфликт с одним из наших сотрудников. Николаев решил его уволить, и тогда из солидарности мы всей командой подали заявления на увольнение. К этому нас подвигло также приглашение со стороны Института общественно-политических проблем, который подчинялся напрямую аппарату ЦК Компартии Узбекистана, а позже – президенткой администрации. Руководство института тоже захотело создать социологическое подразделение, чтобы обслуживать заказы ЦК. Перейдя всей командой туда, причем со свой компьютерной техникой и ксероксом, мы сохранили автономию и помимо поручений со стороны руководства института продолжали параллельно проводить свои исследования по заказу международных организаций. Это положение, конечно, не могло устраивать руководство института, несмотря на то, что к результатам нашей работы по его заданию не было никаких претензий.

В итоге, проработав там год, мы всей командой уволились, чтобы работать уже независимо от каких-либо организаций. Мы зарегистрировались в качестве независимого юридического лица, общества с ограниченной ответственностью, став называться Центром «Эксперт». В тот момент в нашу команду влился Арслан Жолдасов, став соучредителем этого центра, наряду со мной и другим нашим сотрудником Игорем Погребовым, но на условиях контрольного пакета акций в моих руках.

Поначалу, пару-три месяцев, у нас не было своего офиса, но вскоре мы получили большую комнату в здании бывшего Дома партийного просвещения, а несколькими месяцами позже - пару комнат в здании Дома знаний. Однако офисные условия там были далеко не из лучших. К примеру, на нашем этаже в Доме знаний даже не было приличного туалета. По этой причине как-то даже случился курьез. Мы выполняли опрос населения по заказу USIA, Информационного агентства США, и для ознакомления с ходом работ приехал его сотрудник, Ричард Добсон. Когда он посетил наш офис и спросил, где туалет, мне пришлось вести его к приемную директора Дома знаний – только там был более или менее приличный клозет.

Через некоторое время нам удалось опять переехать в новый офис и занять целый этаж в двухэтажном кирпичном здании, которое было отдано одной из про-правительственных партий-пустышек (уже не помню ее название). Такие «карманные» партии стали создаваться режимом Ислама Каримова для имитации политического плюрализма и видимости политической конкуренции на выборах. Нам повезло с этим офисом благодаря моему знакомству с родственником одного из руководителей указанной партии. Основное место работы этого партийного босса был президентский аппарат, где он был одним из тех сотрудников, кто отвечал за обеспечение «демократического процесса». Мы с родственником этого партийного деятеля были знакомы еще со студенческой скамьи. Очень сметливый парень, родом из провинции, он легко интегрировался в политическую систему, которая утвердилась в стране после развала СССР. Конечно, я ему очень благодарен за его содействие с офисом, хотя за аренду мы платили исправно каждый год.

В этот раз офисные условия были просто отличные. Мы имели там уже пять комнат и зал для проведений собраний, и слава богу, два туалета, женский и мужской. Делюсь этими щепетильными подробностями, поскольку еще с советских времен наличие приличного

туалета было одной из острых проблем по всей стране, особенно в общественных местах и многих учреждениях, даже в университете, где я учился. Эта проблема перекочевала и в пост-советский Узбекистан и далеко не сразу была решена.

Партия располагалась на втором этаже, но в их офисе не наблюдалось никакой активности. Почти ежедневно туда приходило не более одного-двух функционеров. Никакого тебе партийного актива, никаких собраний. Только ближе к парламентским выборам происходило небольшое оживление, и то, в связи с формированием списка тех, кого отбирали для участия в выборах. Но и эти отобранные кандидаты тоже не показывались в офисе. Видимо разнарядки для выдвижения кандидатур спускались напрямую из президентского аппарата в различные организации и предприятия, где они работали. Каких-то особых требований к кандидатам не предъявлялось, поскольку никакой борьбы и полемики между допущенными к выборам партиями не предусматривалось и практически не было. Партиям выделялись квоты, сколько депутатов от каждой из них будет представлено в парламенте. А после «избрания», их задача состояла в том, чтобы присутствовать на заседаниях парламента и голосовать согласно указаниям сверху. С тех пор мало что изменилось в стране в том, как власти имитируют демократический процесс.

Надо признаться, что наш центр, а значит и я, были в определенной степени бенефициарами этой игры в «карманные» партии, и не только потому, что нам достался достаточно комфортный офис. Наша ассоциация с одной из партий, которой покровительствовал президентский аппарат, позволяла также избегать коррупционного давления со стороны местных органов власти. Но как только местный хокимият выяснил, что забота президентского аппарата не распространяется на нас, к нам сразу нагрянул налоговый инспектор, о чем остановлюсь чуть ниже.

Через несколько лет наш офис снова переехал в другой офис. Это уже были четыре небольшие квартиры, расположенные в одном подъезде старого двухэтажного дома, построенного еще в сталинские времена. Мы, я и два моих партнера, Арслан и Игорь, сложившись, выкупили эти старенькие квартиры.

Беспокоили ли нас власти? Да, и не раз, но не очень сильно. В начале деятельности нашего центра к нам навязался один «куратор», представившийся сотрудником Службы национальной безопасности. Первоначально он вышел на одного из наших сотрудников, но когда я узнал об этом, я предложил самому с ним контактировать, чтобы мой коллега не дай бог чего лишнего ему не наговорил. «Куратор» изредка выходил на контакт со мной и прощупывал мои настроения. Ни на кого персонально информации он не запрашивал, в нашу работу не вмешивался и даже не пытался навязывать мне какие-то действия. В самом начале наших встреч он поведал мне, что Ислам Каримов ищет возможности установить более близкие отношения с США. Видимо поэтому власти тогда терпимо относились к тем гражданам, которые имеют контакты с представителями Запада. При встречах «куратор» вел какие-то пространные разговоры, видимо вызывал меня на дискуссию. Но я старался быть с ним предельно корректным, вежливым и вести себя дипломатично, не вступая с ним в споры. С его стороны стиль поведения был тоже достаточно корректным, никакого давления или даже критики с его стороны. Однако сам факт подобных выходов на контакт с его стороны держал меня в напряжении, поскольку я понимал, с какой структурой я имею дело. .

Однажды он даже помог нам. Как я уже сказал выше, в какой-то момент на нас наехала налоговая инспекция нашего Шайхантахурского района г. Ташкента, придравшись к нашей покупке двух персональных компьютеров. Они просто искали повод что-то поиметь с нас. Так вот, когда я поделился этой информацией с «куратором», тот предложил помощь и позвонил в хокимият, в итоге уладив дело. Так что я благодарен и ему за содействие.

В другом случае нашу организацию просто лишили регистрации. Это произошло из-за каких-то интриг на высоком уровне. Мой знакомый, который устроил нам офис в здании партии, был связан с очень влиятельным советником президента. Со временем, этого советника уволили с должности и даже возбудили против него уголовное дело, по слухам, подозревая его в заговоре против президента. Скорее всего, он пострадал из-за интриг со стороны группировки, конкурирующей с его «кланом». По моим сведениям, этой конкурирующей группировкой был «клан», лидером которой считался другой советник президента, Тимур Алимов. Нас почему-то ассоциировали с неформальной сетью того, уволенного советника, а потому решили «нейтрализовать», так, на всякий случай, поскольку все-таки мы работали с сфере информации. Однако далее лишения нас регистрации дело не пошло, и мы через некоторое время без проблем заново зарегистрировали нашу организацию, теперь уже под другим названием – «Эксперт-фикри».

Был еще один случай наезда на нас, но расскажу о нем в следующем разделе.

“Новые бедные”

Возвращаясь к своей деятельности в качестве главы центра «Эксперт», хотел бы отметить, что спектр тем, по которым мы проводили исследования, был довольно широк. Одной из тем было изучение проблем бедности, к чему нас подвиг заказ со стороны Всемирного банка. Это было международное исследование, которое охватывало целый ряд стран и называлось «Консультации с бедными».[2] Заложенные в тот проект идеология и концепт отвечали той политике, которую проводил тогдашний президент банка Джеймс Вулфенсон, занимавший эту должность с 1995-й по 2005-й год. Он придерживался прогрессивных взглядов и был сторонником усиления социальной направленности Всемирного банка. В рамках этого подхода банк тогда взял на вооружение правило перед тем, как начинать какие-либо инвестиционные проекты, проводить их социальную оценку, консультируясь с представителями тех категорий населения, интересы которых эти проекты могли затронуть, как в позитивном, так и в негативном плане. Этот подход создавал спрос на услуги таких местных исследователей, какими были мы, специализирующиеся на опросах населения.

Банк под руководством Вулфенсон пытался переосмыслить проблему бедности, найти к ее решению новые подходы. Проект «Консультации с бедными» охватывал целый ряд стран, включая Узбекистан. При этом авторов проекта интересовали не столько количественные параметры явления бедности, сколько восприятие этой проблемы теми, кого можно было отнести к категории бедных, их восприятие своего положения и его причин. Поэтому ставка делалась не на статистически репрезентативные методы исследования, а на так называемые качественные методы, когда проводятся углубленные интервью и фокус-группы. В таких случаях первостепенное значение придается достижению эффекта интерактивности, диалога с информантами. Благодаря этой интерактивности нам удавалось вызывать информанта на откровенность, когда он/она раскрывал/а интересные детали своей жизни и своих наблюдений.

[2] Chambers,Robert; John Haylock; Narayan,Deepa; Petesch,Patti L.; Shah, Meera. *Global synthesis : consultations with the poor - summary (English)*. Washington, D.C. : World Bank Group. http://documents.worldbank.org/curated/en/535121468155733118/Global-synthesis-consultations-with-the-poor-summary

Доклад по итогам нашего исследования по Узбекистану, отразившего ситуацию в стране во второй половине 90-х годов, был выпущен в 1999 году.[3] 90-е был периодом, весьма драматическим для всего постсоветского пространства. Проблемы социально-экономического порядка приобрели особую остроту практически во всех постсоветских республиках, что было вызвано, в частности, коллапсом некогда единого экономического механизма, разрывом экономических связей между бывшими союзными республиками и соответствующей потерей заказов промышленными предприятиями. Союзные республики, получив государственную независимость, столкнулись с необходимостью создавать свои национальные рынки, свою национальную валюту. Это была задача, которая никогда ранее не решалась в такие сжатые сроки. А поскольку новые национальные валюты не были первоначально обеспечены достаточным уровнем производства и соответствующей товарной массой, во многих из этих республик начался процесс обесценивания этой валюты и как следствие – бешенный рост инфляции.

В Узбекистане первоначально был введен сум-купон, который стал сразу стремительно обесцениваться. Когда же в 1994 году ввели полноценную национальную валюту, узбекский сум, его постигла та же участь - обесценивание, процесс, который продолжается и по сей день. Как следствие, резко усилился процесс социальной стратификации населения и обнищания его значительной части. Тем гражданам, которые работали на предприятиях, оставшихся от СССР, задерживали зарплаты в силу их недозагруженности заказами, а выдаваемая им зарплата теряла в своей покупательной способности. Образовалось большое число людей, которых можно было назвать бедным классом. По оценкам некоторых опрошенных в ходе нашего исследования, если в условиях СССР позднего периода было всего три социальные страты – богатые, средний класс и бедные, то в пост-советский период число этих страт возросло до пяти, а именно:

- очень богатые, которые по прикидочным оценкам составляли примерно 1-2%;
- просто богатые - примерно 5%;
- средний класс - 20%,
- бедный класс - по разным оценкам от 40 до 80%,
- и наконец, нищие - от 1 до 5%.

По воспоминаниям опрошенных, в условиях централизованной экономической системы была остра другая проблема - дефицит многих потребительских товаров нужного качества. Это ухудшало качество жизни, но на уровень жизни не очень влияло, за исключением того, что за неимением нужных товаров в государственных магазинах, приходилось покупать более дорогую продукцию на базарах или на черном рынке.

Самое главное отличие от советского периода было, согласно опрошенным, в соотношении социальных страт. Так, по оценкам информантов численность среднего класса (оцениваемого как таковой по местным критериям) тогда составляла примерно 80% населения. После же развала СССР этот показатель упал до 20%. В то же время резко увеличилась доля бедных, с 15-20% до 40-80%, согласно разным оценкам.

В качестве критерия того, кого отнести в ту или иную страту, служило то, на какие нужды хватает семейного бюджета. Если хватает как на еду, так и на другие нужды, скажем, на одежду, культурные потребности, то это средний класс. Если семейного бюджета хватает только на еду, но нет угрозы голода, то это бедный класс. Если же и на питание не хватает,

[3] Uzbekistan : consultations with the poor, 1999, https://www.participatorymethods.org/resource/uzbekistan-consultations-poor

и семья живет впроголодь, то это уже нищие. Богатые же – это те, кто помимо прочего могут себе позволить путешествия в другие страны, строят большие дома и богато их обставляют.

Проблема бедности также усугублялась в 90-е годы упадком качества социальных услуг, например, в виде недопоставок газа, воды, электричества, особенно в сельской местности. Ухудшилось качество медицинских услуг. На полноценное лечение теперь уже требовалось платить больше взяток, или же неофициальную, сверх установленных цен, плату руководству лечебных учреждений и врачам.

После сдачи Всемирному банку отчета по данному исследованию, его представители поделились им с правительством Узбекистана. Там просто взбеленились. Меня вызвали меня «на ковер» в Кабинет министров к Галине Саидовой, которая тогда отвечала за сотрудничество с международными финансовыми институтами. Меня она обвинила в искажении реалий касательно масштабов бедности. Дело в том, что наши данные шли в разрез с политикой Ислама Каримова по сокрытию от общества масштабов этой проблемы. И тут мы со своими цифрами о доле бедных в 40-80% оказались весьма некстати. Я пытался объяснять Саидовой, что это были субъективные оценки самих опрошенных (не очень кстати отличающиеся от реального положения вещей). Ее этот аргумент не очень убеждал. Но все-таки власти не прибегли к репрессиям против нас, видимо опасаясь ухудшить взаимоотношения с банком.

Стратегии выживания

В своем другом исследовании наш центр выяснял, к каким стратегиям и ухищрениям население прибегало ради выживания в тот переходный период 90-х годов. В одной оральной истории, серию которых мы собрали, один из информантов сообщил нашему интервьюеру о том, что в условиях резкого ухудшения жизненного уровня жизни он решил заранее выкупить участок земли на кладбище и вырыть для себя там могилу, чтобы его детям не пришлось тратиться на эти расходы в случае его смерти. Об его истории я поведал в одной из своих статей.[4]

При этом проблема дефицита на потребительском рынке вскоре после развала СССР была решена – лишь бы были деньги на товары, пользующиеся спросом. Во многом это стало благодаря тому, что были сняты запреты на занятие предпринимательской деятельностью и стало возможным выезжать за границу, за пределы бывшего социалистического лагеря, как с туристической целью, так и за товарами. Появилась категория так называемых челноков, людей, занятых мелким бизнесом, которые ездили в другие страны и провозили оттуда товары для продажи на местных базарах.

Что касается стран Прибалтики, те, вступив в Евросоюз и получив от него финансовую поддержку, прошли переходный период 90-х годов гораздо менее безболезненно, чем остальные бывшие союзные республики. Последним приходилось опираться на какие-то внутренние механизмы, чтобы население могло сводить концы с концами. Надо отдать должное правящему режиму Ислама Каримова, который несмотря на авторитарные методы правления, лучше ряда других бывших советских республик, например, Российской Федерации и Казахстана, справлялся с социально-экономическими проблемами переходного периода. В начале своего правления он инициировал раздачу домохозяйствам небольших участков земли, называемых тамарка, размером до 10 соток

[4] Alisher Ilkhamov. «Impoverishment of the masses in the transition period: Signs of an emerging 'new poor' identity in Uzbekistan", *Central Asian Survey*, 2001, 20 (1), https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/02634930120055442

(0.1га). Эти участки земли стали одним из главных источников поддержания жизненного уровня многих семей, позволяя им выращивать продукты как для самих себя, так и, в виде излишков, для реализации на местных рынках. Это позволило немного снизить остроту социальных проблем в течение 90-х годов.

Вторым важным источником доходов семей в Узбекистане стали пособия для бедных и многодетных семей. Что примечательно, эти пособия было решено выделять через махаллинские комитеты, которые, как посчитало правительство, лучше знают положение вещей в своих общинах, кто из семей на подотчетной территории действительно нуждается в помощи. Это безусловно помогло улучшить адресность в предоставлении пособий.

Многие из опрошенных указывали на три главных источника, благодаря которым населению удавалось сводить концы с концами в те 90-е годы. Это были:

- зарплата, пусть и небольшая по размерам,
- пенсии, тоже небольшие по размерам, но выплачиваемые, как правило, без задержек,
- пособия семьям с большим числом детей.

Помимо этого, как уже было отмечено выше, материальному положению части населения способствовало также занятие мелким бизнесом – челночной торговлей или выращиванием продукции на своих участках земли. Однако оборотной стороной этого мелкого бизнеса стало то, что росли масштабы неформальной экономики, поскольку с этих доходов занимающиеся этим бизнесом не платили налоги государству. Это приводило к снижению финансирования социальной инфраструктуры, в первую очередь, систем образования и медицинского обслуживания, а также не позволяло увеличить размеры социальных пособий.

Домохозяйства старались прибегать и к другим стратегиям выживания. Например, как показало другое наше исследование, некоторые домохозяйства высаживали у себя во дворах или рядом с домом тополя с тем, чтобы, когда они вырастут (на что требовалось несколько лет), использовать их в качестве материала для строительства дома своим взрослеющим детям.

Ритуальная экономика

Как известно, Узбекистан, как и другие республики Центральной Азии, еще с советских времен отличался высокой рождаемостью. Это связано со следованием значительной частью коренного населения традиционным нормам и соображениям престижа, когда уважением пользовались те, у кого трое или более детей.

Кроме того, среди узбеков считается нормой, когда родители несут ответственность за благосостояние своих детей вплоть до того момента, когда те уже заводят свои семьи и полностью становятся на ноги. Отсюда и соответствующие долговременные стратегии поведения, рассчитанные на выполнение этих обязательств – указанная выше заблаговременная подготовка строительных материалов, шитье одеял, накопление одежды и посуды в сундуках для обеспечения нужд будущих семей подрастающего поколения и для приданного.

Особую статью расходов семейного бюджета составляло и до сих пор составляет проведение различного рода семейных мероприятий (маросимлар, по-узбекски) с большим числом приглашенных гостей, от бешик-тоя (праздник в честь обрезания малолетних сыновей) до целой серии свадебных мероприятий и поминок. Кроме того, проводятся

ритуальные мероприятия религиозного характера, например, ураза-байрам (праздник разговения). Учитывая многодетность как характерную черту образа жизни значительной части узбекского населения (как и других мусульманских народов Центральной Азии), проведение всех этих мероприятий и подготовка к ним заполняет практически всю жизнь каждого семейства, следующего традиционным нормам и соображениям престижа. Соответствующие расходы, связанные с этими обязательствами, которые семьи взваливают на себя, составляют значительную часть их семейного бюджета. Добавим к этому обязательства родителей по обеспечению жильем своих подросших детей, и станет ясным то огромное бремя, которое каждая семья взваливает на себя в рамках своих бюджетов. Этот феномен я в одно из своих статей[5] характеризовал как ритуальную экономику, которая движима указанными выше обязательствами тратить значительную часть своих бюджетов и сбережений на дорогостоящие семейные торжества и мероприятия. Эти, связанные с ритуальной жизнью обязательства семей, конечно, способствуют сплачиванию членов семейно-родственных сетей. С другой стороны, эти обязательства отодвигают на задний план приоритеты, связанные с индивидуальным развитием молодого поколения, например, с получением им хорошего образования.

Начиная со второго десятилетия после развала СССР к стратегиям выживания многих узбекских семей стала трудовая миграция в Россию и Казахстан. Но опять-таки, одним из главных мотивов узбекских трудовых мигрантов, сотнями тысяч отправлявшихся ежегодно в Россию на заработки, было и возможно до сих пор является желание накопить деньги не только, скажем, на строительство дома, но также и на проведение свадьбы самого мигранта или его близких родственников, брата или сестры. То есть, трудовая миграция тоже была в определенной степени движима указанной выше ритуальной экономикой. К этим выводам я пришел в результате опроса среди трудовых мигрантов, в котором я принял участие.

Бюджеты узбекских семей

В целом, если рассматривать в совокупности обе стороны бюджетов больших трех-поколенных узбекских семей, следующих национальным и местным обычаям, доходную и расходную часть, то эти бюджеты представляют собой довольно сложное и трудно измеримое явление. Поскольку трудно измерить указанную выше их вовлеченность в неформальную и ритуальную экономики, а также сложную систему взаимоотношений между отдельно взятым домохозяйством и целой семейно-родственной сетью, частью которой то или иное домохозяйство является. В своем другом исследовании, на тему семейных бюджетов, которое мы проводили по иному заказу Всемирного банка и в координации с Государственным комитетом статистики Узбекистана, мы по крайней мере пытались учесть эти особенности узбекских семей.

В этом исследовании мы следовали количественным методам с целью измерить бюджеты семей на достаточно большой репрезентативной выборке. Методика, которую мы разработали, состояла из двух частей – вопросника для одноразового интервью домохозяйства, а также дневника, который мы предлагали домохозяйству вести в течение недели, записывая свои расходы. В итоге получилось, что в среднем данные расходов домохозяйств довольно значительно, на 15-20%, превышали данные доходов. Спрашивается, откуда тогда домохозяйства брали ресурсы для покрытия своих расходов?

Было очевидно, что ответы домохозяйств о своих доходах не полностью отражали реальность, и не только потому что они сознательно скрывали источники и размеры своих

[5] Alisher Ilkhamov.“Labour Migration and the Ritual Economy of the Uzbek Extended Family”. *Zeitschrift für Ethnologie*, 138 (2013)

доходов, или проявляли забывчивость о некоторых из них, но и по причине сложности взаимоотношений внутри расширенной семейно-родственной сети, в которую включено данное домохозяйство. Скажем, если кто-то из этой родственной сети, но не член данного домохозяйства, например старший сын, живущий со своей семьей по другому адресу, покрывал какую-то часть расходов исследуемого домохозяйства, то оно, это домохозяйство, возможно не рассматривало этот вклад своего близкого родственника как свой доход.

Согласно методологии, которая рекомендовалась заказчиком, под домохозяйством понимались те, кто живет по одному адресу, ведут единый бюджет, питаясь, как говорится, из одного казана. Но эта методология не совсем учитывала узбекские реалии, и в первую очередь феномен расширенной семьи, которая может состоять из более чем одного домохозяйства. Особенность этой расширенной семьи, или семейно-родственной сети, состоит в том, что между составляющими ее семьями и домохозяйствами имеют место трансакции, которые трудно учесть исследователю. Если даже входящие в семейно-родственную сеть семьи не питаются ежедневно из одного казана, они могут разделять между собой вклады в совместную ритуальную деятельность и малый бизнес, если эта расширенная семья им занимается. Учесть в количественном исследовании весь объем этих взаимных трансакций чрезвычайно трудно.

Имеет место также взаимопомощь в рамках соседской общины (махалли или кишлака), особенно если эта община расположена в сельской местности или же в малых городах и поселках городского типа, где следование традиционным нормам выражено гораздо сильнее, чем в больших городах. Во всех этих поселениях малого размера домохозяйства часто оказывают помощь друг другу. Так, по крайней мере, было в момент нашего исследования. Например, при строительстве дома в том или ином домохозяйстве организуется хашар (добровольное участие в трудовой акции), чтобы быстро возвести каркас дома - его фундамент, стены и крышу. Как только каркас готов, семейство, строящее его, потом годами занимается его отделкой, готовя его к заселению молодой семьи.

Кстати, власти еще с советских времен извратили суть явления, называемого хашаром, став называть этим словом разного рода с субботники и воскресники, скажем, по уборке и благоустройству территорий вокруг организаций и предприятий, что стало, таким образом, формой принудительного труда. Тем самым, значение слова «хашар» было обесценено, ассоциируясь с практикой неоплачиваемого труда по приказу начальства.

Аграрный сектор как объект исследования

Как-то наш центр получил заказ от Джона Шоберлейна, который тогда работал в Гарвардском университете и, в свою очередь, заключил контракт со Всемирным банком на проведение исследования аграрного сектора Узбекистана. После того, как работа была сдана, я решил немного дальше поработать по данной теме, чувствуя определенную связь с моим личным опытом участника системы принудительного труда в хлопковом секторе страны. В итоге получилась статья, которую я опубликовал в журнале «Central Asian Survey».[6] Статья имела определенный резонанс. Сначала Дэвид Пирс, тогдашний директор узбекского офиса Всемирного банка, пригласил меня в свой офис и похвалил ее. Ее также широко цитировали в академической литературе, согласно GoogleScholar, 81 раз по состоянию на начало 2024 года.

[6] Alisher Ilkhamov. «Shirkats, Dekhqon farmers and others: Farm restructuring in Uzbekistan". *Central Asian Survey*, 1998, 17 (4), https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/02634939808401055

В статье я рассматривал три следующие разновидности сельскохозяйственных производителей, действовавших в Узбекистане в тот период (а это была вторая половина 90-х годов прошлого столетия):

(1) ширкаты, являвшиеся кооперативами и мало чем отличавшиеся от колхозов,

(2) только что зарождавшиеся частные фермерские хозяйства, и

(3) дехканские хозяйства, работающие на приусадебных участках, называемых тамарка.

Позже ширкаты были ликвидированы, а их земли переданы фермерским хозяйствам, но на эти хозяйства навесили обязательство выполнять государственные заказы по выращиванию хлопка и продаже его по закупочным ценам, назначаемым сверху.

Работа над статьей помогла мне разобраться с ситуацией в аграрном секторе, включая хлопковую индустрию, что в последующем позволило мне изложить в своих работах полит-экономию системы принудительного труда в этом секторе экономики Узбекистана. Забегая вперед, отмечу, что работа по этой теме позволила мне выдвинуть инициативу в 2004 году по организации кампании, нацеленной на ликвидацию практики принудительного труда в хлопковом секторе страны. Уже в рамках этой кампании я в соавторстве с одним инсайдером из Узбекистана опубликовал анализ финансовых потоков в хлопковом секторе страны,[7] показав, каковы мотивы преследует государство в сохранении системы принуждения в хлопковом секторе. Эти мотивы заключались в выкачивании правительством финансовых ресурсов из сельского хозяйства, примерно таким же образом, как это происходило при Сталине, когда правящий режим под его руководством путем насаждения колхозов осуществлял перекачку ресурсов из села в город, с целью подстегнуть индустриализацию страны.

В постсоветском Узбекистане целью центрального правительства было сосредоточить в своих руках выручку в твердой валюте от экспорта хлопка. Для этого создавались ножницы цен, когда закупочные цены были искусственно занижены, не давая фермерам возможности аккумулировать капитал в своих руках и таким образом, по своему усмотрению и за собственный счет нанимать рабочую силу для сбора урожая хлопка. На практике, потребности в рабочей силе для сбора хлопка покрывались принудительным трудом, массовой мобилизацией в осенний период сотен тысяч школьников, студентов и работников государственных и частных предприятий и организаций.

Часть третья. На пересечении исследований и гражданской активности

Кампания за ликвидацию системы принудительного труда

После десяти лет, в течение которых я руководил Центром «Эксперт», меня в декабре 2001 года пригласили возглавить местное отделение Фонда Открытое общество. В должности директора я проработал до апреля 2004 года, когда власти страны решили закрыть наш фонд, опасаясь, причем совершенно необоснованно, что мы можем стать спонсорами

[7] Alisher Ilkhamov & Bakhodyr Muradov. Uzbekistan's Cotton Sector: Financial Flows and Distribution of Resources. *Open Society Foundations*, October 2014, https://www.opensocietyfoundations.org/publications/uzbekistan-s-cotton-sector-financial-flows-and-distribution-resources

цветных революций. Так они были напуганы тюльпановой революцией в Грузии осенью 2003 года.

После закрытия узбекского отделения Фонда я вынужден был покинуть страну и продолжил работать уже в лондонском офисе этой организации. В 2005 году была начата кампания за отмену принудительного труда в хлопковом секторе Узбекистана. Ее возглавили две некоммерческие организации, одна базирующаяся в США, другая - в Великобритании. Они, в свою очередь, привлекли в кампанию другие организации, включая правозащитные и профсоюзные, академические институты, так называемых социальных инвесторов и даже некоторые торговые компании. Таким образом, была создана коалиция, которая благодаря своей систематической и настойчивой деятельности добилась значительных успехов. Но для этого понадобилось более десяти лет.

Еще задолго до окончательного успеха были достигнуты на разных этапах промежуточные успехи. К числу самых значительных промежуточных результатов можно отнести, в частности, объявление более сотней торговых компаний о том, что они не будут покупать узбекский хлопок, пока правительство Узбекистана не прекратит практику принудительного труда в хлопковом секторе страны. И узбекские власти стали, наконец, реагировать. Сначала, в 2016 году, они прекратили посылать школьников на сбор хлопка, потом студентов, и так далее.

Проблема стала решаться уже при новом президенте Шавкат Мирзиееве, который публично, с трибуны Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 2017 года, сообщил, что правительство работает над проблемой.[8] Однако только к через четыре года после указанного заявления Мирзиеева, в 2022 году, систематическая практика принудительной мобилизации на сбор хлопка была почти полностью свернута. И только тогда участники кампании отозвали свой призыв к компаниям бойкотировать узбекский хлопок.[9]

Однако несмотря на то, что граждан перестали в массовом порядке посылать против их воли на сбор хлопка, власти так и не пошли на полную отмену системы принуждения и централизованного диктата в хлопковом секторе. Они продолжили принуждать фермеров выращивать хлопок на своих землях и сдавать его по ценам, продиктованным сверху. Стала создаваться система так называемых хлопково-текстильных кластеров, назначаемых сверху, которые выступили монополистами по закупке хлопка в каждом отдельном сельскохозяйственном районе. Пользуясь своим монопольным положением, кластеры стали диктовать фермерам закупочные цены. И это положение вещей сохраняется до сих пор. Однако теперь эта система ущемления прав фермеров может обернуться водным кризисом.

В своей недавно опубликованной статье, в которой анализируется новая ситуация с водообеспечением страны в связи со строительством канала Кош-Тепа в Афганистане.[10] После завершения строительства канал будет забирать из Амударьи около 20 кубических

[8] Address by H.E. Mr. Shavkat Mirziyoyev, the President of the Republic of Uzbekistan at the UNGA-72, 19 September 2017, The Permanent Mission of the Republic of Uzbekistan to the United Nations, https://www.un.int/uzbekistan/statements_speeches/address-he-mr-shavkat-mirziyoyev-president-republic-uzbekistan-unga-72

[9] Cotton Campaign Ends its Call for a Global Boycott of Cotton from Uzbekistan. *Cotton Campaign*, March 10, 2022, https://www.cottoncampaign.org/news/cotton-campaign-ends-its-call-for-a-global-boycott-of-cotton-from-uzbekistan

[10] Alisher Ilkhamov. Implications for Uzbekistan's Water Supply of Qosh Tepa Canal Construction in Afghanistan. *Central Asia Due Diligence*, November 14, 2023, https://cenasiaduediligence.uk/implications-for-uzbekistans-water-supply-of-qosh-tepa-canal-construction-in-afghanistan/

километров в год, то есть около 35% всех водных ресурсов этой реки. Снизить катастрофические последствия неминуемого водного кризиса сможет только переход всего сельского хозяйства на водосберегающие технологии орошения. Этого можно будет достичь только путем повышения цен на водопотребление фермерскими хозяйствами, чтобы стимулировать их к инвестированию в такие технологии. Но справиться с новыми ценами на воду фермеры смогут только, если они накопят достаточно капитала в своих руках. Это условие будет невозможно выполнить, если не устранить грабительскую систему централизованного диктата в хлопковом с секторе. Таким образом, реформа хлопкового сектора приобретает экзистенциальное значение для Узбекистана.

Отставание с реформами

Хотя, как уже было отмечено выше, в первой половине 90-х годов правящий режим Ислама Каримова лучше ряда других бывших союзных республик справлялся с трудностями переходного периода, уже к концу десятилетия началось отставание Узбекистана от экономик таких стран, как Грузия, Россия и Казахстан. В отличие от Узбекистана эти страны сумели выйти из кризисного состояния своих экономик благодаря экономическим реформам и успешному переходу к рыночным отношениям.

Хотя рыночные отношения и свобода предпринимательства в Узбекистане уже допускались в стране, это имело место преимущественно в сфере малого и среднего бизнеса, и гораздо в меньшей степени в сфере крупного промышленного производства, а также в сельском хозяйстве. Командные же высоты в экономике, то есть контроль над крупными предприятиями и сельским хозяйством оставался в руках центрального правительства. Ислам Каримов полагал, что государство должно не только выполнять регулирующую роль в экономике, но и руководить ею, вплоть до ручного управления. Он также считал, что доходы от экспорта в твердой валюте должны тоже быть сосредоточены в руках правительства, чтобы по искусственно завышенному обменному курсу узбекского сума эти валютные ресурсы доставались исключительно предприятиям стратегического значения.

С одной стороны, этот курс на экспроприацию доходов от экспорта позволил накопить в руках правительства достаточно большой фонд золото-валютных резервов размером примерно в 26 млрд долларов,[11] а с другой, подтолкнуло значительную часть экономки, включая сферу обменов валют, в теневую сферу. Возникли разные обменные курсы узбекского сума, от официального курса Центрального банка до курса черного рынка. Причем официальный в разы превышал курс черного рынка.

Это положение вещей не могло не создавать огромный пласт теневого бизнеса и связанную с ним коррупцию, прежде всего таможенных органов и правоохранительных органов. Чем дальше, тем больше государственные органы вовлекались в коррупционную деятельность, став в массовом порядке заниматься вымогательством у бизнеса, причем не только местного, но и иностранного. Этим вымогательством занялись даже члены президентской семьи. Особенно в этом деле преуспела старшая дочь президента Гульнара Каримова, которая стала вымогать многомиллионные взятки у международных инвесторов, таких как телекоммуникационные компании МТС, Телиасонера и Вымпелком.[12] От нее не отставали органы безопасности и милиции. Так, получило огласку дело турецкого бизнесмена Vahit

[11] *Kabar.kg*, 06/02/18, https://kabar.kg/news/zolotovaliutnye-rezervy-uzbekistana-sostavili-28-077-mlrd-dollarov/

[12] The Prodigal Daughter. *Organized Crime and Corruption Reporting Project*, 2015, https://www.occrp.org/en/corruptistan/uzbekistan/gulnarakarimova/

Güneş, которого Служба национальной безопасности в целях вымогательства упрятали в тюрьму и подвергла там пыткам. Тот затем подал иск в международный арбитраж и выиграл дело.[13]

Коррупция и ухудшающее социально-экономическое положение населения не могли не привести к росту социальной напряженности и протестных настроений. Кульминацией этого тренда стали массовые протесты в Андижане в мае 2005 года, закончившиеся их кровавым подавлением вооруженными силами по приказу Каримова. Эти события вошли в историю под названием «Андижанская резня».[14]

Судьба украденных активов

Вымогательство со стороны Гульнары Каримовой зашло так далеко, что вызвало конфликт с телекоммуникационной компанией МТС, в результате чего местный глава этой фирмы Бехзод Ахмедов был вынужден бежать из страны в Россию.[15] До этого он активно сотрудничал с Гульнарой Каримовой, помогая ей переводить полученные ею взятки на банковские счета в зарубежных юрисдикциях, при этом оформляя часть этих активов на свое имя. После побега Ахмедова в Россию перед Каримовой встал вопрос, как получить те деньги, которые были вложены на банковский счет в швейцарском банке Ломбард Одье на имя Бехзода Ахмедова. В 2012 году при неудачной попытке снять эти деньги швейцарскими властями были арестованы партнеры Гульнары Каримовой.[16] Швейцарская прокуратура открыла дело об отмывании денег, заморозив ее счета и активы в этой стране на общую сумму в 800 миллионов швейцарских франков, оформленные в швейцарских банках на имена ее помощников и партнеров.[17]

Меня этот кейс очень заинтересовал, причем в контексте судьбы ее замороженных активов. В 2014 году начала набирать оборот кампания, целью которой было достижение того, чтобы процесс репатриации указанных и других активов Гульнары Каримовой был прозрачным и подотчетным. Но самой главной моей целью было добиться того, чтобы репатриация осуществлялась при условии принятия правительством Узбекистана антикоррупционных реформ как гарантия недопущения повторного разворовывания возвращенных активов. Если первая цель (прозрачность и подотчетность) более или менее реализуется на практике, но вторая остается до сих пор недостижимой.

Еще тогда, в 2014 – 2015 годах, я, ознакомившись с литературой по теме, осознал, что определение судьбы активов, украденных посредством злоупотребления власти, есть целая отрасль антикоррупционной деятельности. Проблеме конфискации и репатриации таких активов посвящен целый раздел (No.5) Международной конвенции против коррупции. Проанализировав конвенцию, я пришел к выводу, что в этом самом разделе она далека от совершенства, фактически являясь компромиссом между приоритетами борьбы с коррупцией, с одной стороны, и принципом национального суверенитета. Видимо при

---

[13] Businessman Files Torture Case Against Uzbekistan. *Institute for War and Peace Reporting*, 30 April, 2012 https://iwpr.net/global-voices/businessman-files-torture-case-against-uzbekistan

[14] *Human Rights Watch*, 2005, https://www.hrw.org/legacy/campaigns/andijan/

[15] Cash Cow For Karimova: Court Documents Assert Shakedown By Daughter Of Late Uzbek President. *Radio Free Europe/Radio Liberty*, October 12, 2017, https://www.rferl.org/a/uzbekistan-karimova-akhmedov-testimony-shakedown/28790227.html

[16] Swiss Authorities Grant Bail to Two Uzbeks in Money Laundering Probe. *RFE/RL*, October 18, 2012, http://www.rferl.org/content/swiss-authorities-release-uzbeks-on-bail/24743724.html

[17] Swiss Announce Karimova Money-Laundering Probe. *RFERL*, March 12, 2014, https://www.rferl.org/a/switzerland-karimova-investigation-uzbekistan-money-laundering/25294326.html

подготовке текста этого документа учитывалось то, что его должны были подписать и ратифицировать как можно больше стран, включая тех, кто отличаются высоким уровнем коррупции.

В чем этот компромисс заключался, и в чем конвенция не достаточно эффективна с точки зрения борьбы с коррупцией? В том, что ею предписывается странам, где обнаружены и конфискованы украденные активы, возвращать эти активы в страны их происхождения, но без каких-либо предварительных условий. Конвенция, таким образом, не учитывает тот факт, что очень часто в странах, откуда были украдены активы, сохраняется высокий уровень государственной коррупции. А это создает высокие риски того, что возвращенные активы могут быть украдены вновь, причем не исключено, что именно теми представителям власти, кто эти активы украл или соучаствовал в их краже. Кроме того, сам процесс возвращения активов без предварительных условий, предусмотренный конвенцией, совершенно не способствует борьбе с коррупцией, вступая тем самым в противоречие с ее разделом 2, «Предотвращение коррупции».

Что же следует сделать, чтобы процесс возвращения украденных активов не приводил к повторному циклу их кражи и способствовал созданию или улучшению антикоррупционных механизмов в стране происхождения этих активов? На мой взгляд, возвращать активы следует только при условии принятия и реализации комплекса антикоррупционных реформ страной, получающей обратно украденные активы. Понятным образом такой подход встречается в штыки радом стран глобального Юга, из которых, как правило, крадутся активы и хранятся в странах глобального Севера. Власти стран глобального Юга, особенно те, откуда чаще всего крадутся их богатства, требуют, чтобы эти активы возвращались без всяких условий, так чтобы уважалось их суверенное право распоряжаться этими активами по их собственному усмотрению.

Как на эти требования отвечают страны глобального Севера, например, Европы, куда часто стекаются краденные активы по каналам отмывания денег? Эти страны боятся быть обвиненными в нарушении национального суверенитета стран глобального Юга, опасаясь, что их также обвинят в неоколониализме. И такие обвинения иногда действительно раздаются. Имеется также определенный комплекс вины, которую испытывают страны глобального Севера в связи с тем, что в некоторых из них все еще существуют условия, облегчающие коррупционным деятелям из глобального Юга отмывать деньги и размещать их в западных банках или вкладывать в недвижимость. Такому отмыванию денег и их размещению в странах глобального Севера способствует целая индустрия юридических услуг в этой сфере, возможность в ряде стран Запада регистрировать компании-пустышки без обязательного указания их конечных бенефициаров и источников происхождения активов. Кроме того, западные банки часто склонны смотреть сквозь пальцы на криминальное происхождение активов, оформляемых на их счетах.

На практике страны глобального Севера, понимая, что при возвращении активов без предварительных условий эти активы вероятнее всего снова будут включены в коррупционный оборот, предпочитают под разными предлогами не возвращать эти активы. Так случилось с деньгами, полученными Гульнарой Каримовой в виде взятки в размере 140 миллионов шведских крон (или 30 млн долларов США). Шведские власти, конфисковав их, просто присвоили эти активы, поделившись ими с Нидерландами, поскольку шведская компания, которая заплатила эту сумму Каримовой в виде взятки,

зарегистрировала свою дочернюю фирму в Амстердаме и проводила оплату взятки через ее счета.[18]

То, что случилось с активами Гульнары Каримовой в Швеции, является скорее правилом в отношении украденных активов, чем исключением. Так, Евросоюз до сих пор не принял к руководству внятную политику по репатриации украденных активов в страны, которые не являются его членами. Директива ЕС No 42 от 3 апреля 2014 года об аресте и конфискации активов криминального происхождения полностью умалчивает о том, что делать с такими активами после их конфискации.[19] О двойных стандартах, которым ряд западных стран следует в отношении украденных активов, говорит также статистика. Так, по данным Stolen Assets Recovery Initiative, в период с 2006 по 2009 год члены ОЭСР вернули 276,3 миллиона долларов США, а в период с 2010 года по июнь 2012 года – еще меньше, 147,2 миллиона. Это составляет ничтожно малую долю от 20-40 миллиардов долларов, которые, по имеющимся оценкам, похищались каждый год, как правило, из стран глобального Юга.[20]

Касательно негласного правила, согласно которому ставить предварительные условия для возвращения активов означает нарушать суверенитет стран, откуда активы были украдены, то аргумент, положенный в его основу, следует признать ложным. Вопрос заключается в том, что мы понимаем под национальным суверенитетом, суверенное право правительства, которое данную страну представляет, или же суверенные права всей нации, а значит народа, который эту страну населяет и страдает от коррупции. Так вот в интересах этого народа было бы использовать процесс возвращения активов как шанс и способ уменьшить уровень коррупции в данной стране.

В Швейцарии, которая, пожалуй, имеет наибольший опыт не только в конфискации, но и в репатриации украденных активов, предпочитают говорить не о предварительных условиях при возвращении активов, а о modalities, то есть, определенных способах в возвращении активов, понимая под этим соблюдение принципов прозрачности и подотчетности. Этот подход, конечно, лучше, чем просто присваивать украденные активы или возвращать их, совсем не заботясь о том, как принимающая сторона будет их использовать. Однако при таком подходе, когда возвращающая сторона ограничивается туманными принципами прозрачности и подотчетности, а на деле допускается весьма широкое их трактование, упускается возможность использовать процесс репатриации активов в целях стимулирования антикоррупционных мер страной, получающей украденные активы. А значит, сохраняются высокие риски их повторной кражи.

Второй проблемой, касающейся того, как Швейцария организовывала процесс возврата украденных активов, является то, что прокуратура этой страны полагается в целях конфискации таких активов в основном на свое уголовное законодательство об отмывании денег. Так было, по крайне мере, с активами Гульнары Каримовой. Проблемой в таком случае является то, что для конфискации активов на основании этого законодательства, швейцарское правосудие должно доказать их криминальное происхождение (predicate

[18] Aktivister: Ge Telias zbekpengar till folket. *Sydsvenskan*, 9 september 2018, https://www.sydsvenskan.se/2018-09-09/aktivister-ge-telias-uzbekpengar-till-folket

[19] Directive 2014/42/EU of the European Parliament and of the Council of 3 April 2014 on the freezing and confiscation of instrumentalities and proceeds of crime in the European Union, https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32014L0042

[20] Mapping international recoveries and returns of stolen assets under UNCAC: an insight into the practice of cross-border repatriation of proceeds of corruption over the past 10 years. *StAR*, 2021, https://www.unodc.org/documents/treaties/UNCAC/COSP/session9/CAC-COSP-2021-CRP.12_E.pdf

offence). Но получить такие доказательства можно только в стране происхождения активов, а для этого власти этой страны должны провести следствие и вынести соответствующее судебное решение. Но как правило, в такой стране, например, в данном случае в Узбекистане, суд не является независимым от правящей элиты, чтобы полагаться на его решения. Чтобы выйти из этого положения, швейцарская прокуратура была вынуждена прибегать к разными ухищрениям, в частности, к тому, чтобы убедить Гульнару Каримовой и лиц, на которых были оформлены ее активы, признать свою вину и согласиться на их конфискацию. Это создает весьма зыбкое правовое основание для вынесения приговора о конфискации этих активов, что, кстати, стало одной из причин того, что швейцарский апелляционный суд согласился с аргументами адвокатов Гульнары Каримовой и постановил вернуть ей ранее замороженные в Швейцарии 293 миллиона швейцарских франков.[21]

В Швейцарии имеется другое законодательство, которое позволяет конфисковывать краденные активы гораздо успешнее. Это законодательство основывается не на уголовном, а на гражданском праве, когда возбуждается не уголовное дело об отмывании денег, а гражданский иск по подозрению об их незаконном происхождении. При этом задача доказательства законности активов возлагается на самих их владельцев. Чтобы такой гражданский иск был успешным, Швейцарии возможно следует также принять закон, аналогичный тому, который приняла Великобритания - Unexplained Wealth Order (Закон об активах неясного происхождения).[22] В сочетании с законом о конфискации активов политически значимых лицах (Politically Exposed Persons), который уже принят Швейцарией,[23] такой правовой подход намного облегчил бы процесс конфискации краденных активов, и сделал бы его необратимым.

Третья проблема, связанная с тем, как Швейцария справляется с задачей обеспечения надлежащего процесса возвращения украденных активов, заключается в недостаточно разборчивом подборе ею организаций, которым поручается организация процесса репатриации активов. Так, для управления процессом репатриации конфискованных активов в размере 115 миллионов долларов по так называемому Казахгейту,[24] был нанят Всемирный банк, и тот с этой задачей хорошо справился. Банк разработал схему, по которой по тендеру были отобраны две неправительственные некоммерческие организации, Save the Children и IREX, которые через созданный для этих целей Фонд «Бота» занялись распределением возвращенных активов на проекты по оказанию помощи малообеспеченным семьям.[25] Хотя банк и эти две организации изъяли около 30% от всей суммы на покрытия своих операционных расходов, оставшаяся сумма (70%) все-таки достигла целевых групп населения. Однако с точки зрения поощрения антикоррупционных

[21] Uzbekistan: Karimova wins asset seizure reprieve in Switzerland. *Eurasianet.org*, Jul 25, 2022, https://eurasianet.org/uzbekistan-karimova-wins-asset-seizure-reprieve-in-switzerland

[22] Fact sheet: Unexplained Wealth Order Reforms. *Gov.UK*,26 October 2023, https://www.gov.uk/government/publications/economic-crime-transparency-and-enforcement-bill-2022-overarching-documents/factsheet-unexplained-wealth-order-reforms-web-accessible

[23] Federal Act on the Freezing and the Restitution of Illicit Assets held by Foreign Politically Exposed Persons, 18 December 2015 (Status as of 1 July 2016), https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/2016/322/en

[24] After Seven Years, 'Kazakhgate' Scandal Ends With Minor Indictment. *RFERL*, August 10, 2010, https://www.rferl.org/a/After_Seven_Years_Kazakhgate_Scandal_Ends_With_Minor_Indictment_/2123800.html

[25] The BOTA Foundation: Final Summative Report, 2015, https://www.justice.gov/opa/file/798316/download

мер в Казахстане этот фонд имел нулевой эффект, поскольку такая задача, к сожалению, не ставилась ни властями Швейцарии, ни Всемирным банком.

Во втором случае, когда снова встал вопрос о возвращении уже других краденных активов в размере 48 миллионов долларов в ту же страну, Казахстан, Всемирный банк, опять был нанят для выполнения этой задачи и выполнил свою роль гораздо хуже, отдав предпочтение неправительственной организации (фактически GONGO), контролируемой дочерью президента Назарбаева, в качестве своего местного партнера по распределению денег на местные социальные нужды.[26] Учитывая высокую вероятность того, что эти активы были изъяты у членов президентского расширенного семейства, оказалось, что деньги были возвращены под контроль той части правящей элиты Казахстана, которая эти активы и украла первоначально.

Примерно аналогический негативный результат имел место и при возвращении активов из Швейцарии в Нигерию. И там тоже Всемирный банк неважно выполнил свою миссию организатора процесса репатриации активов. Во втором случае возвращения активов в ту же страну, Нигерию, банк все же учел свои прошлые ошибки. В итоге получилась ситуация с точностью на оборот, если сравнить ее с тем, как Всемирный банк действовал в Казахстана. В каждой из обоих стран Всемирный банк в одном случае репатриации действовал более или менее успешно, а в другом вызывал серьезную критику своих действий. Но очередность успешного и неуспешного случаев была разная. Как бы то ни было, банк подорвал свою репутацию в глазах властей Швейцарии, вынудив их выбрать другого партнера для репатриации активов в Узбекистан.

После того, как Швейцария конфисковала первую сумму в 131 миллион долларов из замороженных активов Гульнары Каримовой в этой стране, то для управления процессом репатриации этих активов на этот раз был выбран ПРООН. (Restitution of illicit assets: Switzerland and Uzbekistan sign agreement, The Swiss Federal Council, 16.08.2022, https://www.admin.ch/gov/en/start/documentation/media-releases.msg-id-89949.html). Шагом вперед стало то, что Швейцария настояла на создании Консультативного совета гражданского общества из числа местных активистов, которому доверили вести мониторинг того, как расходуется указанная сумма.[27] Процесс расходования этого транша еще не закончился, поэтому пока рано делать вывод о том, насколько успешен этот опыт Швейцарии в вопросах репатриации украденных активов. Однако можно уже утверждать, что, как и в предыдущих случаях, никакого эффекта в плане поощрения Узбекистана к осуществлению антикоррупционных реформ, к сожалению, не ожидается. А значит, вопрос об использовании возвращения активов в качестве стимула к таким реформам пока повисает в воздухе.

Борьба с коррупцией как фактор привлечения иностранных инвестиций

Если материалы предыдущих разделов этой статьи основываются в основном на моих уже опубликованных работах, то нижеследующий материал мною еще не публиковался. Но он логически вытекает из темы коррупции, которую я затронул выше, а также имеет отношение к экономическому развитию страны, которое является главным предметом

[26] A Case of Irresponsible Asset Return? *Queen Mary University of London and Ulster Univfersity*, 2019, https://kiar.center/wp-content/uploads/2019/02/Swiss-Report-full-v2.1.pdf

[27] Civil Society Advisory Council – Terms of Reference. *Uzbekistan Vision 2030 Fund*, 2023, https://mptf.undp.org/sites/default/files/documents/civil_society_advisory_council_terms_of_reference.pdf

рассмотрения этого эссе. На этот раз будет рассмотрены вопросы, что мешает стране достигать экономического роста и привлекать иностранные инвестиции.

Начнем с того факта, что несмотря на природные богатства, наличие полезных ископаемых и благоприятный климат для сельскохозяйственного производства, Узбекистан так и не сумел достичь экономического роста и привлечь иностранные инвестиции, которые обеспечивали бы достаточной работой трудоспособное население страны. Индикатором неблагополучия в экономике является до сих пор огромные масштабы трудовой миграции из страны, в основном в Российскую Федерацию. Только за 2022-й год более 2 млн граждан Узбекистана работали за границей, и более 60% из них - в России,[28] что было на 35% больше, чем выезжало в Россию в предыдущий год.[29] А за первый квартал 2023 года число узбекских трудовых мигрантов в России еще больше возросло, на этот раз на 70% по сравнению с тем же периодом в 2022 году.[30]

Кроме фактора трудовой миграции, полезно также обратиться к сравнению экономической ситуации в стране с соседними странами, особенно с Казахстаном. Как и в Узбекистане, правящий режим в этой стране был после развала СССР был и до сих пор остается авторитарным. Но все же этот режим провел определенные реформы в экономике, а также в административной системе. Там не только была проведена либерализация экономики в 90-е годы прошлого столетия, но еще в 1999 году был принят закон о государственной службе,[31] в который, между прочим, была включена и статья 18-2 о конфликте интересов. Правительство Казахстана получило также определенную автономию по отношению к политическому руководству, представленному президентом страны. Такое разделение между гражданской службой и политическим руководством до сих пор не достигнуто в Узбекистане, где президент практически заменил собой премьер-министра, часто прибегая к микро-менеджменту в вопросах экономики.

Сравнение между двумя странами показывает, что с 1992-го по 2000-й год по ВВП на душу населения Узбекистан еще не очень отставал от Казахстана (см. таблицу 1). В тот период данные по этому показателю в Узбекистане варьировались от 40 до 62 процентов от соответствующего показателя Казахстана. А с учетом того, что в Узбекистане доля молодого и сельского населения была и остается выше, чем в Казахстане, то можно говорить о не очень больших различиях в уровне экономического развития между двумя странами в тот период. Однако, начиная с 2001, когда наметилось серьезное отставание Узбекистана в области экономических реформ, года, этот показатель ВВП на душу населения по Узбекистану стал снижаться относительно данных по северному соседу, опустившись в итоге до 16-20% от соответствующего показателя у Казахстана.

[28] *Kapital.uz*, 11.9.2023, https://kapital.uz/trudovie-migranti/

[29] *Kun.uz*, 20.02.2023, https://kun.uz/ru/news/2023/02/20/v-2022-godu-pritok-trudovyx-migrantov-iz-uzbekistana-v-rf-vyros-na-351

[30] *Kursiv*, 6.06.2023, https://uz.kursiv.media/2023-06-16/potok-trudovyh-migrantov-iz-uzbekistana-v-rossiyu-vyros-bolee-chem-na-70/

[31] Закон Республики Казахстан от 23 июля 1999 года № 453-I «О государственной службе» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 28.11.2014 г., https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1013958

Таблица 1. Сравнение Узбекистана и Казахстана по показателю ВВП на душу населения

Year	Uzbekistan, US$	Kazakhstan, US$	Uzbekistan/ Kazakhstan (%)
1992	603	1,516	40%
1993	597	1,429	42%
1994	576	1,316	44%
1995	586	1,288	45%
1996	601	1,350	44%
1997	623	1,446	43%
1998	623	1,469	42%
1999	702	1,130	62%
2000	558	1,229	45%
2001	457	1,491	31%
2002	383	1,658	23%
2003	396	2,068	19%
2004	465	2,874	16%
2005	547	3,771	14%
2006	654	5,292	12%
2007	830	6,771	12%
2008	1,082	8,458	13%
2009	1,213	7,165	17%
2010	1,742	9,070	19%
2011	2,051	11,634	18%
2012	2,268	12,387	18%
2013	2,420	13,891	17%
2014	2,628	12,807	21%
2015	2,754	10,511	26%
2016	2,705	7,715	35%
2017	1,917	9,248	21%
2018	1,604	9,813	16%
2019	1,795	9,813	18%
2020	1,759	9,122	19%
2021	1,993	10,374	19%
2022	2,255	11,492	20%

Источник: Всемирный банк[32]

Не трудно догадаться, что Казахстан вырвался вперед в своем экономическом развитии во многом благодаря реформам в сферах экономики и административной системы, дав толчок развитию местного бизнеса и став более привлекательным для иностранных инвесторов. Сравним теперь две страны по показателю иностранных инвестиций.

[32] The World Bank, https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD?locations=KZ

Таблица 2. Сравнение Узбекистана и Казахстана по показателю прямых иностранных инвестиций

Year	Uzbekistan, bln US$	Kazakhstan, bln US$	Uzbekistan/ Kazakhstan (%)
2011	1.62	13.76	12%
2012	0.74	13.65	5%
2013	0.69	10.01	7%
2014	0.81	7.31	11%
2015	1.04	6.58	16%
2016	1.66	17.22	10%
2017	1.8	4.76	38%
2018	0.62	0.35	177%
2019	2.32	3.73	62%
2020	1.73	7.21	24%
2021	2.28	4.55	50%
2022	2.53	4.91	52%
Averagely	1.49	7.84	19%

Источник: Macrotrends[33]

Как показано в Таблице 2, в последние 6-7 лет правления Ислама Каримова объем прямых иностранных инвестиций в Узбекистане составлял от 5 до 16% от соответствующего показателя у Казахстана. Ситуация в этой сфере немного улучшилась с приходом к власти Шавката Мирзиеева, которым был принят ряд мер по либерализации экономики. Так, был либерализован курс обмена валют, было предоставлено больше свобод предпринимателям, ослаблено административное и коррупционное давление на бизнес. Однако объем иностранных инвестиций в Узбекистане все еще остается примерно в два раза меньшим, чем в Казахстане. Это отставание, скорее всего, связано с тем, что хотя экономическая политика в Узбекистане достигла большей либерализации, прогресс в реформировании административной системы, сфер правосудия и противодействия коррупции идет гораздо медленней. Это, в частности, проявляется в том, что по показателям Верховенства закона и Индекса восприятия коррупции Узбекистан все еще заметно отстает от Казахстана, как показано в таблицах 3 и 4.

Таблица 3. Сравнение Узбекистана и Казахстана по показателю Индекса верховенства закона

Год	Узбекистан		Казахстан	
	Показатель индекса	Рейтинг	Показатель индекса	Рейтинг
2015	0.46		0.50	
2016	0.45		0.50	
2017-2018	0.46		0.51	
2019	0.46		0.52	
2020	0.47		0.52	
2021	0.48		0.52	
2022	0.50		0.53	
2023	0.50	78/140	0.53	65/140

Источник: World Justice Project[34]

[33] Macrotrends, https://www.macrotrends.net/countries/UZB/uzbekistan/foreign-direct-investment

[34] World Justice Project, https://worldjusticeproject.org/rule-of-law-index/country/2022/Uzbekistan/

Таблица 4. Сравнение Узбекистана и Казахстана по показателю Индекса восприятия коррупции (всего индексом охвачено 180 стран)

Год	Рейтинг Узбекистана	Рейтинг Казахстана
2017	157	122
2018	158	124
2019	153	113
2020	146	94
2021	140	102
2022	126	101

Источник: Transparency International[35]

Другим интегральным показателем, учитывающим как экономическую политику, так и качество административного управления, считаются суверенные кредитные рейтинги, рассчитываемые и публикуемые тремя ведущими в этой сфере агентствами, Moody's, Fitch и Standard & Poor's. По этому показателю Узбекистан также пока уступает Казахстану, как показывает Таблица 5.

Таблица 5. Сравнение кредитных рейтингов Узбекистана и Казахстана

Страна	Fitch	Moody's	Standard & Poor's
Uzbekistan	BB-	Ba3	BB-
Год измерения	Aug-23	Jan-23	Jun-21
Kazakhstan	BBB	Baa2	BBB-
Год измерения	Nov-23	Oct-23	Oct-19

Источник: The Global Economy[36]

На основании приведенных данных можно говорить о существенных различиях между разными категориями авторитарных правящих режимов. Хотя всех их объединяет отсутствие или недостаток реально действующих демократических институтов, все же одни из них, к примеру, Сингапур и Арабские Эмираты, добиваются относительных успехов в вопросах экономический политики, верховенства закона и обуздания коррупции. Как следствие, они более успешны в достижении экономического роста своих стран и привлечении прямых иностранных инвестиций. Другие же категории автократий демонстрируют свою отсталость по всем этим параметрам.

Казахстан, на мой взгляд, находится где-то посередине между этими полюсами. Что касается Узбекистана, то несмотря на некоторый прогресс в вопросах экономической политики, достигнутый с приходом к власти Шавката Мирзиеева, он находится где-то посередине между Казахстаном и странами, представляющими экстремальные формы автократических режимов, такими как Туркменистан, Северная Корея и Мьянма. По сравнению с последними тремя Узбекистан выглядит лучше, но по сравнению с Казахстаном – хуже, и гораздо хуже, чем в Сингапуре и Эмиратах.

Если правительство Узбекистана, как и Казахстан, было и остается глухим к призывам к демократизации, то хотя бы оно проявляет явную заинтересованность в достижении

[35] *Transparency International*, https://www.transparency.org/en/cpi/2022

[36] *The Global Economy*, https://www.theglobaleconomy.com/Kazakhstan/credit_rating/

экономического роста страны и привлечении иностранных инвестиций, чтобы обеспечить себе определенную политическую легитимность в глазах своего населения. Однако узбекский правящий режим для привлечения иностранных инвесторов в основном полагается на разного рода пиар-акции, организацию международных форумов, дает заверения иностранным инвесторам в своей поддержке. В гораздо меньшей степени он демонстрирует готовность обеспечить институциональные гарантии для защиты иностранных инвестиций.

Надо признать, что в настоящее время уже не наблюдается прежняя практика вымогательств взяток у иностранных инвесторов. Но все еще часты случаи конфликта интересов и протекционизма на правительственном уровне, особенно при распределении ресурсов, дорогостоящих госзаказов или лицензий по эксплуатации природных ресурсов страны. В середине 2023 года был, наконец, принят Закон о конфликте интересов, однако он до сих пор не опубликован, так что его содержание не известно обществу. А принятие закона об обязательных декларациях государственных служащих и членов парламента уже который год затягивается. А главное, не наблюдается особого прогресса по главному пункту институциональных гарантий против коррупции и злоупотреблений власти, а именно по обеспечению независимости правосудия.

Вредит ли ценностная ориентация объективности социального исследования?

Как возможно заметили читатели этой статьи, поворотным в моей биографии стал моментом, когда я начал интегрировать свои социальные исследования с гражданской активностью. Это были попытки направить свои исследования на изучение проблем, который я считал критическими с точки зрения социально-экономического развития страны и требующими решения на практическом уровне. Две проблемы особенно привлекли мое внимание: это принудительный труд в хлопковом секторе Узбекистана, а также риски того, что возврат украденных активов обратно в эту страну будет осуществлен ненадлежащим способом.

В этой связи возникает вопрос: а могут ли социальные исследования отражать ценности исследователя и быть нацеленными на социальные изменения, и при этом не терять в своей научной ценности? По этом вопросу существуют две противоположные точки зрения. Первая представлена Карлом Марксом, который в своих «Тезисах о Фейербахе» заявил: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его» (Тезис XII, 1845 г.). И наоборот, позитивисты, такие как Эмиль Дюркгейм и Огюст Конт, и в какой-то степени Макс Вебер, выступали за ценностно-нейтральный подход, полагая, что он необходим для научной строгости. Хотя я сам не являюсь марксистом, в этом конкретном вопросе я склоняюсь ближе к позиции Маркса. Однако я вовсе не выступаю за то, чтобы подчинять своей гражданской позиции методы исследования, анализ или выводы. Я считаю, что ценностная ориентация исследователя играет важную роль на определенных этапах исследовательской программы, в то время как «позитивистский» подход незаменим на других ее этапах. В таблице 6 я показываю, как эти два подхода работают на разных этапах исследования. Оказывается, на одних этапах вполне уместен и даже полезен ценностно-ориентированный подход, а на каких-то он недопустим. «Позитивистский» же подход также работает по разному на разных этапах исследования. На каких-то он незаменим, а на других он может сочетаться с ценностно-ориентированным подходом.

Таблица 6. Применимость ценностного и «позитивистского» подходов на разных этапах социальных исследований

Этапы исследования	Предпочтительные подходы на каждом этапе исследования	
	Ценностно-ориентированный подход	**«Позитивистский» подход**
Выявление социальной проблемы, которую исследователь считает критически важной, вызывающей его озабоченность и требующей решения	Да	В некоторых случаях да
Формулировка проблемы: определение ее ключевых параметров и показателей; формирование программы исследования	Отчасти да	Отчасти да
Формулировка исходной гипотезы о первопричинах проблемы; предположение об основных факторах, определяющих эту проблему.	Нет	Да
Разработка методологии и инструментов сбора данных	Нет	Да
Сбор данных	Нет	Да
Анализ данных; выводы о первопричинах и факторах	Нет	Да
Разработка рекомендаций по решению проблемы	Да	Да

Рассмотрим для примера принудительный труд в Узбекистане. Моя ценностная ориентация побудила меня обратиться к этой проблеме, поскольку я считал ее недопустимой и требующей искоренения посредством изменения государственной политики в хлопковом секторе страны. Исследователь, сторонник позитивистского подхода исключительно на всех этапах исследования, скорее всего, не обратил бы внимания на эту проблему и вряд ли бы выделили бы ее среди множества предметов своего исследовательского интереса. Это подтверждается тем фактом, что до упомянутой выше кампании за искоренение системы принудительного труда в хлопковом секторе Узбекистана почти никто из академических исследователей не занимался этой проблемой. Только несколько журналистов обратили на нее внимание. Успех кампании, кульминацией которого стало признание правительством Узбекистана этой проблемы и его заявление о готовности решить ее, а также его конкретные шаги в этом направлении, служит свидетельством обоснованности ценностного подхода при определении предмета исследования. Этот тот случай, когда практика действительно является критерием истины.

Еще один важный вопрос заключается в том, а из какой системы ценностей исходит исследователь, отдавая приоритет той или иной проблеме как объекту своего исследования? Например, религиозные фундаменталисты вряд ли рассматривали бы принудительный труд как критически важную проблему, заслуживающую их внимания. То же самое можно сказать об ультраправых в странах Запада. Так, по мнению ультраконсервативного губернатора штата Флорида Рона ДеСантиса, принудительный труд, который в прошлом применялся в США на хлопковых плантациях, не был проблемой

вообще. По его мнению, порабощенные чернокожие американцы получили только выгоду от принудительного труда, приобретя полезные трудовые навыки.[37] Его точку зрения, вероятно, разделяет, по крайней мере, часть Республиканской партии. Противоположной точки зрения по данному вопросу придерживаются те, включая меня, кто находится под влиянием идеологии либеральной демократии, согласно которой нарушения прав человека, в том числе принудительный труд, недопустимы и не могут быть оправданы ни при каких обстоятельствах.

Однако ценностная модель либеральной демократии сама по себе не статична. Она постоянно находится в процессе развития и борьбы между разными интерпретациями ее принципов и взаимоотношений между ними. Например, в конце 20-го века точка зрения, называемая неолиберализмом, стала доминирующей в плане влияния на руководящую политику некоторых правительств в развитых демократических странах. Его последователи выступали за более свободную рыночную экономику и уменьшение вмешательства в нее государства. Однако опасения по поводу ставшего повальным уклонения от уплаты налогов со стороны ряда транснациональных корпораций и связанного с этим ростом социального неравенства вызвали критику неолиберализма со стороны некоторых представителей либеральной демократии. Они начали выступать за включение принципа социальной справедливости в ее рамки, по крайней мере, для того, чтобы сохранить ей общественную поддержку.

С другой стороны, возникла тенденция нелиберальной демократии, особенно в таких странах, как Венгрия, Турция и Пакистан, где проводятся состязательные выборы, но в то же время нарушения прав человека и верховенства закона также являются обычным явлением. Эти продолжающиеся дебаты о природе либеральной демократии призваны дать ответ на вопрос, как она должна выглядеть в сегодняшних условиях. Хотя я не могу дать четкого ответа на этот вопрос, я твердо верю, что все ее основные принципы, такие как права человека, разделение властей, верховенство закона и свободные выборы, незаменимы и не могут быть исключены или принижены в пользу других ее принципов. Помимо этого считаю необходимым интегрировать принцип социальной справедливости в ценностную модель либеральной демократии, но без ущерба для указанных ее базовых принципов. Это то основное, что, на мой взгляд, необходимо исследователю иметь в виду для того, чтобы достичь интеграции ценностных ориентаций в процесс социальных исследований.

Заключение

Таким образом, читатель, дошедший до последней страницы этого эссе, может получить представление о том, как изменились взгляды автора на вопросы, которые он считает ключевыми для социально-экономического развития Узбекистана. Автор утверждает, что, несмотря на отсутствие демократического развития в стране, прогресс остается не только возможным, но и крайне необходимым в других областях, таких как экономическая политика, административная реформа, верховенство закона, права человека и борьба с коррупцией. Успех в ликвидации системы принудительного труда в хлопковом секторе Узбекистана показывает, что такой прогресс достижим даже при авторитарном правлении. Однако это потребует, помимо политической воли правящего режима, также давления со стороны международных заинтересованных сторон.

[37] “Stop”: Black Republican congressman attacks DeSantis over slavery curriculum. *The Guardian*, July 29, 2023, https://www.theguardian.com/us-news/2023/jul/29/ron-desantis-florida-slavery-curriculum